

ЯПОНИЯ

Отчёт оголтелого туриста

Иронические замисли

АЛЕКСЕЙ ФИРСОВ

18+

Алексей Фирсов

Япония. Отчёт оголтелого туриста. Иронические записки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69633454

SelfPub; 2023

Аннотация

Автор – широко известный в узком кругу любитель-путешественник, инженер-строитель, президент российской строительной компании "Центр-А". Книга является первой частью задуманной серии, в которой вас ждут забавные приключения московской супружеской пары, пожелавшей поколесить по дорогам не нашей Родины на автомобиле. Это жанр иронических записок оголтелого туриста, рассказывающих о пребывании автора со своей женой – неизменной спутницей по жизни – в чужеземных странах. Обложка сгенерирована автором в Midjourney. Все изображения книги созданы автором, на котором и вся ответственность за качество, поскольку часть изображений снято на фотокамеру, а часть взято, как снимки экрана из домашнего видеofilmа автора. Приятного прочтения!

Содержание

Пролог	4
День первый. Токио	15
Ужин на гинзе	33
День второй. Немного истории	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Фирсов Япония. Отчёт оголтелого туриста. Иронические записки

Пролог

У каждого свои привычки и слабости.

Вот, я вам скажу, у меня есть друг. Тоже непоседа. Так дай ему обязательно машину поменять. Раз в год. Лучше два. А иначе никак. Иначе – не по правилам. Причем одну именитую на другую именитую. Но другую.

Ну, может, в детстве в машинки не наигрался в песочнице. Может, кто тогда не сменял ему фирменную машинку на его советских солдатиков. Он сам не знает. И никто не знает. Старик Зигмунд знал, но ему не сказал. Потому что умер раньше, чем тот родился. Остались только труды и последователи. Но у нас к ним обращаться не принято. Меняться можно. Вот и меняет. И что интересно – совершенного (это я про машины) ничего нет.

Например, была у него одна немецкая особа, величавая до безобразия, чуть ли не самая скоростная серийная. Он нас с

женой на ней как-то подбросил через всю Москву. Из Чертаново в Свиблово. Минут вроде бы за шесть. Я, когда вылезал из неё, ещё боялся ногой мимо асфальта промахнуться, всё мне казалось, что он куда-то убегает. А жена нормально так вышла, покачалась немного, но не упала, только замолчала потом надолго. Подбросил, как зашвырнул!

Так вот, задымила она у него однажды под капотом. Прямо посреди города. Насилу успел остановиться, выскочить и затушить. Что-то там в проводке замкнуло. Мы его ещё тогда пожарником прозвали. Сменял.

Другой раз у него тоже немка была. С ещё более громким именем. Настолько громким, что у нас уши закладывало, как в самолёте при взлёте. Сама маленькая такая, а под капотом – табун в триста пятьдесят лошадей. И когда этот табун нёсся по нашим, а вы знаете каким, дорогам, то под низкопосаженным днищем великолепно искрило, как во время праздничного салюта на Воробьёвых горах. Это и был праздник, потому что каждая из этих трехсот пятидесяти лошадей била своими четырьмя копытами по нашим, и Вы уже знаете каким, дорогам. Била причём так, что казалось, скоро разорвёт это днище, как Тузик грелку. Сменял и её.

Был у него и огромный пруссак с женским именем, напоминавший мне сигару размера Черчилль. Благородно и грузно буксовал при выезде из заснеженного московского двора. Фанфарон ещё тот, а привод – задний. Это ведь ему не по родным прусским дорогам скакать. Вот и елозил на копчике

по нашему снегу, как пастор Шлаг на лыжах.

Следующий герр-геленваген имел мощный клаксон, как у электрички, и был прозван моим другом табуреткой за неотёсанный экстерьер. Врываясь к нам на дачу, любил попугать соседей, включая сирену за километр до ворот. Местные жители и лягушки (дача у нас на болоте) со страху прыгали врассыпную, а он, раскланиваясь со всеми, приговаривал:

– Да это я на своей табуретке скачу! Здравсьте!

Мы быстрее бежали открывать ворота, пока оголтелый машинист своей электричкой не напугал всю округу. Табуретка постоянно ломалась, и фирменная станция техобслуживания радушно принимала гостя. Сотрудники станции щедро поили его кофе, пока чинилась машина, фальшиво уговаривали не переживать и добросовестно тянули деньги за ремонт. Когда же автоматическая коробка передач, будучи на ремонтной гарантии, сломалась в очередной раз, переживать стала уже станция. Но не долго.

На смену табуретке пришел тучный японец. Кстати, о Японии. Я о ней постепенно и рассказываю. Страна регулярно восходящего и наша соседка...

Японец был всем хорош. Не ломался, не кривлялся. Чистый самурай. Но не резвый, с ленцой. Чуть-чуть. Самую малость. Сменил и его.

Вот сейчас я пишу, вы читаете, он меняет. Наверняка.

Либо задумал поменять. А иначе никак. Иначе без радости. Иначе – немножечко нервный.

То же и я. Дай сбежать из любимой страны. Не насовсем, конечно. Боже! Хорошо, что вы не успели подумать не элегантно! На недельку-другую. Раз в год. Лучше два. И не на песочек там, знаете ли, под знойное солнышко. Нет-нет. На песочек, под солнышко – само собой. А именно – походить, побродить, на людей посмотреть. Как живут, чем живут? Подышать их воздухом – и обратно. К милым сердцу нашим проблемам. Причём обязательно обратно. В этом и смысл. Чтоб возвращаться. Потому что Родину любить – это не горячие приветы оттуда посылать! О, как! Этого я и сам от себя не ожидал. Разнервничался, заистерил...

К слову, о цивилизации. Как-то были в Германии, а там чистота – до противного. И на автобане, если из окна передней машины окурок вылетает – не иначе русский мчится. Потому что это – по-нашему! С тех пор я – только в пепельницу, пепельницу – в урну.

Или – ремни безопасности. У нас же на дорогах пристёгиваться не принято, даже зазорно. Только перед постом ГАИ мы себе разрешаем где-нибудь в области кокетливо накинуть ремешок на плечико. Короче, я пристёгиваюсь, мне нравится.

Мне вообще нравится жить по правилам, своего рода инструкциям. Если эти инструкции логичны и целесообразны. Одни инструкции за меня придумало общество. Причём

многие из них – задолго до меня. И я готов представить, насколько они исторически выстраданы. Поэтому я знакомлюсь с ними и с благодарностью принимаю. Или с благодарностью не принимаю. Скажем, если не догоняю. Опять же в силу моей образованности и интуиции. Другие инструкции я придумываю сам. Или подсматриваю у других, т. е. ворую. Потому что вовремя украсть – это не украсть, а унаследовать. Я и наследую, как могу. Одним словом – наследник.

Где мы с женой только не наследили? По Европам разным, даже в Америке и Африке понаоставляли свои следы, а Восток – упустили. И чтобы восполнить пробел, взяли и отправили себя в Японию. Не с бухты-баряхты, конечно, а прямо, как барон Мюнхгаузен себя за волосы из болота тащил – т. е. самостоятельно и без лишних выкрутасов.

За годы сознательной жизни начитались про этих низкорослых островитян основательно, пообщались с их видными представителями, как Куросава, Китано, Миссима, Мураками, и другими посредством их же фильмов и книг, попрыскали на себя для убедительности продукцию Ямомото и, просветлённые, отправились на них посмотреть. Чтобы ещё основательнее понять.

Предупреждали, правда, в разные времена различные умники, дескать, чем дольше у них живёшь, тем меньше их понимаешь. А нам долго не надо. Полторы недели, не больше. Для начала. Чтобы не затормозить понимание. Впечатлениями поделиться с однополчанами. Вот и делюсь. Что ж, по-

летели!

Полетели мы, как водится, самолётом Аэрофлота. Как ни нахваливали нам JAL (Japan Air Lines), как ни расписывали нам все их полётные прелести, не изменили мы родному флоту.

Вы скажете – из экономии. Вот и весь патриотизм. Хорошо, не скажете. Подумаете. И мы ответим. Да, из экономии. И экономклассом. Хотя цену нам любезно предложили одинаковую – что на JAL, что на Аэрофлот. Просто JAL летает по определённым дням, а Аэрофлот ежедневно. И нам было удобно лететь последним.

Последними мы и зарегистрировались на рейс, в связи с чем все места в экономклассе были уже заняты, и нас, от безысходности, усадили на почётные места в первый класс салона самолёта. И мы без паники, а очень даже с пониманием встретили эту метаморфозу.

По-честному, конечно, мы давненько уже не летали так комфортно, первым классом. Потому что я всё время экономлю. Стыдобища какая! Раньше, бывало, надуешь щёки, наденешь малиновый пиджак и – первым классом!

Здесь с тобой меню согласовывают, металлические столовые приборы раскладывают, напитки разные в малюсеньких бутылочках перед тобой выставляют. Занавесочкой тебя, богатынского, от других пассажиров, что попроще, отгораживают. Потому что у них и коробочки-то с питанием – пластиковые, а ты из фаянсового сервиза кормишься. Обслужива-

ние – ресторанное, туалет – всегда свободен. Потому что таких, как ты, бриллиантовых, мало. А их, серебряных, много.

– Что будете пить, господин?

Я от антуража-то и забеспокоился. Разве что Chivas-фифтик для аппетита попробовать?

– Хрустальный бокальчик, пожалуйста. Икорочки красной не желаете?

– Желаю. И рыбку попробую. Смотрю – жена тоже аппетитно трапезничает. Блинчики с икрой. Чудненько! А что это там виднеется? Второй фифтик-Regal? Прекрасно!

Новое блюдо – на новой тарелке. Chivas Regal больше нет? Не беда. Black Label, будьте любезны!

«Почки заячьи верчёные». Black повторить. Шашлык из осетрины. Black тоже закончился. Как интересно! Всех фифтиков по паре. Как в ковчеге у Ноя. Тогда – Red. Орешки? И Red повторить.

«Берегись автомобиля!» показываем? Очень хорошо! «Здравствуй, Люба! Я вернулся». Фифтик Jack Daniel's . Отлично!

– Сколько лететь?

– Десять часов.

– Сколько летим?

– Два часа.

Невероятно! Даже не заметил.

«– Я кулубнику вырастил своим трудом! А он – рядовой! Жулик. Пусть все слышат – ЭТО МОЯ ДАЧА!

– *Числится вашей, но строится на мои деньги...*»

Jack Daniel's повторить.

– Последнюю принесу. Больше не могу. По инструкции не положено!

Ах, какая инструкция! Нецелесообразная. Нелюбезная.

– А что делать? – мямлю.

– Вы можете купить в Duty Free. Red Label. Бутылка – 0,5. Семь долларов. Хотите принесу?

Киваю. Несет. Расплачиваюсь. Жизнь продолжается.

«-...Беломора не было. Преступник купил сигареты «Друг». Пачка – двадцать копеек, с собачкой на этикетке. И вот я думаю – чего он нервничает?..»

И я вот думаю – чего я нервничаю? Курить охота! Чёрт побери! В Аэрофлоте уже не курят. У них тоже новые инструкции. Явно наследованные. Иду в хвост самолёта. Даю стюарду двадцать долларов. Тот ведет меня в подсобное помещение. Там на полу полусидят-полуспят стюард со стюардессой.

– Курите здесь, в вентиляцию.

Затягиваюсь. Какое блаженство! Что значит – родной флот! ЧЕЛОВЕК! С японцами не договорился бы.

– А чего на полу-то? – спрашиваю.

– Второй рейс подряд, без отдыха. Персонала не хватает. Все места заняты, а для нас в самолёте кресел нет.

– Ни хрена себе!

– Ничего – нам не привыкать.

Возвращаюсь на свое место.

«— Здравствуй, Люба! Я вернулся». Той же фразой что и начинался — фильм закончился. Жена стала спать укладываться. На меня косо посмотрела. Вроде того, что — пьянствуешь? А какие слова говорил, какие обещанья давал!

А я — что? Я не виноват. Это они тут фифтики понаставили. Это они меня, матушка, искушали-искушали, но не поддался я. Только дегустирую...

Что-то красная этикеточка не распробовалась. Вот и бутылочка! Очень кстати. Не поддельная ли? Ну-ка, ну-ка... Нет, не поддельная. Три ли года выдержана?.. Нет, не три... Или три?.. Нет, так можно лететь!

— Кстати, куда летим? — спрашиваю жену.

Та презрительно фыркнула и завернулась в одеяло.

— Ладно, пойду у пилота спрошу.

— Не глупи! — встрепелась жена. — Сам же не любишь глупости.

— Да я пошутил, чтобы тебя растормошить. Мне ведь после дегустации общаться надо. А ты поверила, что я к пилоту пойду. То-то так засуетилась.

— Ты можешь. Ты и за штурвал сядешь.

— Какая восхитительная ложь! Хотя, вообще, я могу. А ты знаешь, что они иногда пьяными летают?

— Чушь! Они медосмотр перед полётом проходят.

— Не чушь! Кикабидзе по телевизору рассказывал. Когда он в Мимино главным лётчиком снимался. Всё Ларису

Иванну хотел. Так он с подвыпившими лётчиками на съёмку летел. Он у них ещё спрашивал с недоумением: «Разве так можно?» А они посмеялись: «Водители же за рулём себе иногда позволяют. Так у нас это то же самое. Что машину нетрезвым вести, что самолёт. Без разницы».

– Не верю я ни тебе, ни Кикабидзе. И вообще, надо спать ложиться.

– Как спать? Что же мне с Расторгуевым тогда бутылку допивать? (на экране шёл концерт группы Любэ).

– А обязательно допивать?

– Не обязательно допивать!.. А хоть бы и допивать.

– Ты курить ходил?

– Ходил и ещё пойду.

– Стюардесса приходила, сказала, что, если ты не угомонишься, она пожалуется командиру.

– И они меня снимут с самолёта?

– Они вычеркнут тебя из списка почётных пассажиров Аэрофлота.

– Наговариваешь! Она же сама мне виски принесла.

– Это – другая.

– Вот, морда муравьиная! Не она же меня обслуживает? Ну, а ты?

– Я сказала, чтобы будили меня, только когда тебя будут лишать гражданства.

– Ты заслуженно летишь первым классом! Умничка! Я в восхищении!

– А что я буду с ней церемонии разводить? Пускай хоть маршалу авиации жалуется! Это же понятно: ты их бар опустошил – у неё добыча пропала.

В проходе салона из-за занавески выглянула «муравьиная морда». Как та злобная старушка, выглядывающая из-за портьеры на картине Рембрандта «Даная». Посмотрела на нас, как ядом дыхла. Взгляд явно свидетельствовал о том, что к лишению меня гражданства она уже приступила.

– Ладно, бузить не будем! Допиваю и спать!

– Сколько выпил-то? – спрашивает жена.

– Девятьсот грамм, – отвечаю.

– Прилетим – будешь никакой!..

«Никаким» меня и снимали с самолёта.

Нет, ногами я шёл сам, но не твердо.

«Шаркающей кавалерийской походкой», как Понтий Пилат перед встречей с Иешуа Га-Ноцри. Здравствуйтесь, Михаил Афанасьевич!

День первый. Токио

Шаркающей кавалерийской походкой с видеокамерой на перевес меня несло в целеустремленной толпе по длинным коридорам международного токийского аэропорта Нарита. Чуть впереди вприпрыжку бежала моя жена, сознательно делая вид, что невыспавшийся здоровый мужик, норовящий её догнать, не имеет к ней ни малейшего отношения.

Здоровяк по форме, но явно нездоровый по внутреннему состоянию, проштрафившийся, – а точнее, проштофившийся, увалень рьяно схватил два чемодана с ленты транспортера и был тут же остановлен маленьким таможенником в белых перчатках. Мягко зажурчала японская речь, которая абсолютно точно предлагала открыть оба чемодана для досмотра. Здоровяк на удивление оказался понятливым малым: дыхнул перегаром и... моментально предъявил билеты с двумя талонами на багаж. Подошла жена и встала рядом, дескать, два человека и поэтому два чемодана. Маленький японец заулыбался и стал кланяться. Кланялся столь усердно, что чудная парочка, напуганная такой вежливостью, с чемоданами поспешила к автоматическим стеклянным дверям и через мгновение уже вдыхала тёплый осенний воздух мегаполиса Токио.

– Ну, до Токио ещё часа полтора езды, – сказала огромная и очень серьёзная девушка Нина, в которой я безошибочно,

на фоне мелкой японской суэты, определил нашу встречающую гренадёршу из Владивостока.

Мы погрузились в автобус с гордым названием *limousine bus* и плавно покатали вдоль зелёной полосы деревьев. Очень скоро видовые картинки за окном сменились на однообразные промышленные пейзажи, и я стал выстраивать своё первое впечатление от Японии. Впечатление выстраиваться не хотело.

Не было золочёных изогнутых многоярусных крыш храмов и пагод, пузатых фонариков с иероглифами, которые рисовало в Москве моё воображение. Одни утилитарные, хайтековские (читай, индустриальные) постройки и эстакады. Неправильная какая-то Япония! На одну из эстакад наш автобус и начал заползать.

– Заезжаем на второй уровень транспортной магистрали, – прокомментировала Нина. – А потом поедem по третьему. В Токио – три вертикальных уровня передвижения для автомобилей.

«Три – это лучше, чем два, но хуже, чем четыре,» – как нельзя, кстати вспомнилась мне фраза Буркова из кинофильма «Гараж».

Интересно, что к слову «четыре», которое по-японски звучит «си», сами японцы относятся суеверно и настороженно. Потому что «си», в свою очередь, ещё означает «смерть», а от этого, несмотря на все самурайские кодексы, лучше держаться подальше. Чтобы потом не раскаяться. Предрассу-

док, конечно, но кнопки четвёртых этажей в лифтах во многих японских зданиях зачастую отсутствуют. За третьим сразу идёт пятый, прямо как у нас в школьных классах после реформы образования. Кто же захочет жить или работать на «смертельном» этаже? (Любопытно, что в столь продвинутой и чуждой всяких суеверий стране, как Америка, кнопки тринадцатого этажа в некоторых лифтах вы также не найдёте.)

А попробуйте подарить японцу футболочку с вышешеназванной циферкой, и вы увидите, как он будет растроган до слёз, а то и тукнет вас по темечку пяточкой с разворота. Они это умеют, у них это запросто. Со школьной скамьи дзюдо и карате пробавляются. Еще кэндо – это когда палками друг друга отлупить совсем не считается зазорным, а даже наоборот, поощряется.

Но просто так японец рукосуйствовать не полезет, для этого его очень сильно обидеть надо. Потому что чем большего мастерства он в своем искусстве достигает, тем смиреннее становится и дисциплинируется. Тот же, который ерепенится и хамит своими изящными пластическими фигурами, вероятнее всего – недоучка. И такого необходимо закидать шапками, по-русски. Самый эффектный наш метод.

Вот такая незатейливая философия и лезет в голову от унылых строений за окном. Ни архитектурного разнообразия, ни тебе исторических традиций, ни покосившегося русского заборчика. Не тот японец пошёл. Не будет он с такой

жизнью в смертельной обиде себе живот вспарывать. Жилых коробок впритирку понатыркали и не хотят больше себе ха-ракири устраивать. Бельё, вот, выстиранное на балконах развесили, сушат. Уже – кое-что, уже – жизнь, разнообразие. Где же его ещё сушить? Мы тоже так сушим. Не путать с суши! Но сейчас не об этом.

А это что? Ёлки-палки – производственная гимнастика! Как у нас в советские времена. С третьего яруса эстакады было хорошо видно. На крыше небольшого здания группа японцев в белых рубашках с галстуками усердно занималась гимнастическими упражнениями. Bravo! Порадовали.

– Что? Уже приехали? Наш отель? Больно убогий какой-то.

– Нет. Здесь мы пересаживаемся в такси и едем в ваш отель, – ответила Нина.

– То-то я смотрю – это не центр. Я заказывал отель возле императорского дворца. А он – в центре.

– Да, в «Центре-А»! – съязвила жена.

– Да мы сейчас и поедem в центр, – сказала немногословная Нина.

Да, где уж в далёкой, тесной Японии знать о существовании крохотульки московской стройки, но очень амбициозной строительной компании «Центр-А», которая числится моим детищем. Не Panasonic, однако.

«Числится вашей, но строится на мои деньги!» – ну, просто засела в голове на подкорочке рязановская классика.

Кстати, о японской тесноте. В каком-то путеводителе я прочитал, что вся территория Японии по площади равняется одному американскому штату Монтана. Из-за обилия гор и вулканических зон японцы ютятся только на двадцати пяти процентах своей земли, а численность их такая же, как половина населения Северо-Американских Соединённых Штатов. В том же путеводителе предлагалось согнать половину всех американцев на четвертушку этого штата Монтана, чтобы понять, как живётся японцам. И я вам отвечу – не Монтана!

Тем временем нас погрузили в такси, и мы уже ехали по улицам Токио. Таксист-японец – худой очкарик с гордой осанкой, одетый в белоснежно-белую рубашку и чёрную жилетку, управлял тойотой в белоснежно-белых перчатках.

– Так положено. У них у всех – белые перчатки, – ответствовала Нина на мой незаданный вопрос.

Дальше будет, как в «Бриллиантовой руке», подумалось мне:

– Куда он меня везёт, я ведь не сказал адрес?

– А тут дорога одна.

– Почему он свернул?

– А там ремонт!

К вопросу о ремонте на дорогах в Токио. Пока стояли в пробке, да и потом на прогулках по городу, я наблюдал такие картины. Прелесть! Скажем, копается траншея. На работу набрасывается ватага японцев. Один – чумазый рабо-

тяга, в траншее, как в окопе, лопатой или отбойным молотком ковыряет асфальт, другие – десять, опоясанные крест-накрест, как чапаевцы пулемётной лентой, отражательными элементами, вооружённые такими же отражательными палками, энергично руководят движением. Работа идёт более чем слаженно. Соотношение – один к десяти. И я подумал: какие же у них накладные расходы на дорожные работы подписываются?

У нас на эти деньги можно две траншеи прорыть и ещё бы осталось. Остаток украсть, работу прекратить, траншеи не закапывать, чтоб была возможность просить дополнительные фонды. Или вы думаете, что я говорю что-то придурковатое? Вы всё время живёте в нашей стране или наездом?

– Приятная страна, ничего не скажешь! – проговорила жена, и я стал соображать: о какой стране речь? – Вокруг такая чистота!

– Это да! – протянул я и уставился на приборную панель тойоты, которая была оборудована мобильной связью и навигатором.

– Нина, а по складу какие они, японцы, по характеру? Каждой нации ведь присущи какие-то черты, – обратилась жена к нашей сопровождающей.

– Добродушные, – обернулась с переднего сиденья Нина. – Говорят, вот, азиатская хитрость. Нет, скорее, это китайцам присуще.

– Ну, они открытые по натуре или интроверты?

Какая эрудированная фемина моя жена! Интроверты, инроверцы. *«Нам бермудорно на сердце и вермутно на душе!»*

– Трудно сказать. С одной стороны, они, конечно, открыты, а с другой стороны, традиции ходить друг к другу в гости нет. Наверное, это идет оттого, что у них квартиры маленькие, комнаты маленькие, то есть, нет понятия собрать у себя дома человек пять-шесть.

– Значит, как в Европе, они встречаются в ресторанах? А как часто?

– Довольно-таки часто. Если ты работаешь в компании, то традиционно каждую пятницу. Отдыхают, расслабляются.

(Я знаю, что подшофе, когда уже галстук набекрень, японцы прощают себе и другим всё, даже домогательства до жены начальника.)

– А у вас уже установились здесь с кем-нибудь тёплые отношения? С какой-нибудь семьёй?

– М-м... У нас с мужем... Пожалуй, нет. Работы много, и потом, мы для японцев всё равно всегда будем гайдзинами. Что-то вроде иностранцев. И они до конца никогда не пустят в свою... касту, что ли.

За разговором не заметили, как приехали. Наш отель? Hotel Grand Palace. Приятно! Прямоугольная башня этажей в двадцать пять со стилобатной частью внизу. Верхушка отеля растворялась в лучах солнца далеко в небесах.

Ещё в Москве я выбрал европеизированный отель, хотя вкусить прелести японской экзотики можно в рёкане

(ryokan) – традиционной японской гостинице. Эти «прелести» меня, по всей видимости, и оттолкнули. Заключаются они в следующем.

Спать на татами (соломенные подстилки).

Сидеть почти на коленях (стулья отсутствуют, в наличии только малюсенькие табуретки).

Обувь оставлять за порогом.

Коллективная ванна «о-фуро» с горячей водой (упаси вас Бог в ней намылиться, сразу превратитесь не в козленка, нет, в «бака гайдзина» – глупого иностранца).

Туалет – на корточках (и не спиной к стене, а лицом).

Завтрак – разочарование для тех, кто привык к йогуртам, овсяным кашкам или блинчикам с икрой.

Взвесив наши шансы на выживание в рёкане и посчитав их несоизмеримыми с нашими привычками (к тому же впасть в немилость моей жены – легко, войти обратно в доверие – прямо противоположно), я остановился на Grand Palace, который уже и сверкал своим огромным холлом перед нашими ногами.

Пока регистрировались и сдавали валюту, получая взамен местную йену, Нина напутствовала о правилах денежного поведения в сфере обслуживания, из которых следовало: на чай, на кофе и потанцевать – не давать. Ни таксистам, ни официантам, ни носильщикам. Не принято. В счетах у них уже и так all inclusive, т.е. райская жизнь и без вашей невоспитанности.

Соотношение доллара к йене, если не мелочиться, очень простое. Один доллар – сто йен. Разница – в два нуля. Но это, если не мелочиться и пока вы – богатенький Буратино в начале путешествия. Потом, когда вы окончательно промотаетесь (слава Всевышнему Будде или лучезарному Синто, если это произойдет в конце поездки) и пойдёте в одних кальсонах, как генерал Чарнота по набережной Сены (только вы пойдёте по набережной Сумиды), стреляя глазами ближайший McDonald's для пропитания, то в городском банке вариант обмена будет лучше. Там вы покажете свой изумительный паспорт, всплакнёте, как многострадальный депутат Государственной Думы вечного созыва перед выборами, и к двум нулям вам щедро добавят кое-какую мелочь. Такая вот математика получается. А если вам не нравится, как я излагаю, то, по совету БГ *купите себе у Бога copyright на русский язык.*

Далее мы в автомате, наподобие пепси-колового, купили телефонную карточку, и жена сделала звонок в Москву, в котором сообщила, что мы добрались до отеля, что у нас здесь тепла 25 градусов и время – половина первого. Дожливо-осенняя заспанная Москва не поняла и спросила:

– Половина первого чего?

– Половина первого дня.

«А в десять часов – *подвиг!*» – подумал я, как барон Мюнхгаузен, когда тот составлял своё мюнхгаузеновское расписание. Потому что не лишить себя способности мыс-

лить с десяти часов утра после девятисот граммов виски накануне – это и есть подвиг. Простой и гражданский. Но спать уже хотелось безумно. И есть, как всегда после длительного недоедания, тоже хотелось безумно. Но спать – больше.

Мы поднялись на лифте на 20-й этаж, где находился наш номер. В лифте кнопка четвёртого этажа присутствовала. Отель-то ведь европеизированный. Без предрассудков. Носильщик принёс в номер наши чемоданы и поспешно скрылся, предупредив тем самым мою возможную невоспитанность. А ведь я уже был обучен, как обезьянка, и не соби-рался предлагать ему чаю.

Нина, было, присела за столик, чтобы изложить нашу программу пребывания в Токио.

– Поди прочь! – не сказал я, подкрадываясь к кровати.

Хорошая девушка Нина всё поняла, встала и ушла, сказав на прощанье:

– Ладно, отдыхайте! Документы я все на столе оставляю. Я думаю, разберётесь. Завтра в девять утра внизу в холле отеля будет ждать муж на экскурсию по городу. Счастливо!

Когда мы остались одни, я спросил жену:

– Ну, что? Спать или есть?

– Спать! – уверенно ответила жена.

Последнее, о чём я подумал перед сном, было: какой муж и кого будет ждать? Я сам благородный муж! В голове почему-то проплыло что-то от Конфуция: *«Благородный муж в жилище не ищет комфорта»*. И я уже спал.

Проснулись мы одновременно. Растворили шторы на окне. Ба! Токио уже весь в ночи полыхал огнями.

Который час? Половина девятого и, судя по всему, не утра. У них тоже осенью быстро темнеет. Однако хочется есть!

– Очень хочется есть! – проговорила жена.

– Как думаешь, заказать в номер или прошвырнёмся на Гинзу?

– А что такое Гинза?

– Ну, как у нас Тверская. Район и улица в Токио.

– А это далеко?

– Думаю в трёх-четырёх кварталах отсюда. Сейчас по карте посмотрю.

– А ты не можешь бежать и смотреть в карту?

– Могу. Голыми побежим?

– Я так проголодалась, что и голой побежала бы!

– О, это разговор! Все японцы в обморок попадают. Какая раскованность! Нас покажут по телевидению, напишут в газетах. «Двое русских, освободившись от комплексов и обезумевших от голода...»

– Быстро одеваемся и бежим, а то я сейчас в обморок упаду от голода!

– Мы оделись и выскочили из отеля. Голод погнал нас на Гинзу. Только он не указал направления. Бежать из отеля можно было налево или направо, соответственно улице.

Вереница желтых машин такси выражала полную готов-

ность к побегу в нужном направлении. Швейцар – молодой японец, услужливо кланялся, предлагая первую в очереди машину.

– Поедем на такси? – с надеждой спросил я жену.

Ты же сказал, это – близко. Давай уж пройдемся! Заодно осмотримся, – ответила жена и отправилась направо. Как мне показалось, даже не задумываясь.

Швейцар продолжал кланяться. Я помотал ему головой, дескать, такси не нужно. Он всё равно продолжал кланяться. Я огляделся: может, кто ещё вышел из отеля, и он его приветствует таким образом? Нет, мы были одни. Я отвел взгляд от его поклонов и пошёл за женой. Краем глаза увидел, что тот прекратил кланяться. Тогда я остановился и опять на него посмотрел. Швейцар снова начал кланяться. Это так позабавило, что у меня вылетело из головы спросить у него, в какой стороне Гинза.

– Можно подумать, что у тебя биологический азимут на Гинзу, – догнал я жену.

– Это ты к чему?

– Ну, ты так уверенно пошла в эту сторону.

– Да? Пошли в обратную, – легко согласилась жена.

– Давай уж пройдем пару домов и посмотрим. Река и императорский парк у нас должны быть справа по ходу.

– Вообще как-то безлюдно. А не опасно вот так ночью по Токио ходить?

– Все путеводители, как один, надрываются, что безопас-

ней Японии страны нет.

– Ну, раз они такие безобидные – идём смело!

Долго ли коротко мы шли, но смелее некуда. Справа появилась река, а точнее, широкий ров, заполненный водой, за которым в ночи просматривался парк.

– Вон там, за деревьями живет император со своей императорской семьёй, – поумничал я, воинственно захватив власть гида, как сёгун власть императора в древней Японии.

– Значит, мы идём правильно? Справа – твой император. Всё-таки я штурман хоть куда!

– Это точно! Почтище компаса. Но мой император – слева! – ответил я, как придворный льстец, слева шедшей от меня жене.

– Когда ты об этом забудешь, я тебе напомню! – самодовольно сказала жена. – Ну, и как этот их император?

– Как, как? Как флаг! Буквально. Символ нации. Как королева в Англии. Сидит сейчас на балконе, чай попивает. Церемонию разводит.

– В Испании вон тоже король, а сам – как пешка. Антиквариат! А этот что-нибудь решает?

– Решает, конечно... Кроссворды. Иероглифы в пустые клеточки вписывает.

– А кто страной управляет? Сенат?

– Парламент. У них, как и у нас, тоже две палаты. Ума. Кто у нас управляет?

– Президент, правительство, олигархи в конце концов.

– У них президента нет, а теньевые сёгуны есть.

– А это кто такие? Я это слово слышала. Это кто-то из династии императора.

– Нет. Император – это король, по-нашему, считай, царь, а сёгун – это главный военачальник при нём. Эти сёгуны исторически и отнимали постоянно власть у императора, и правили страной сами. И уже свои династии организовывали. Например, у нас, скажем, Кутузов взял бы да отнял власть у Александра I и полез бы, одноглазый, страной управлять. Или Суворов, скovyрнул бы Екатерину II и организовал бы свою династию.

– Да, у нас цари-царицы похитрее были. А у них, значит, императоры исторически в пешках сидят.

– Не то чтобы в пешках. Сидят-то они во дворцах, как мы видим. Точнее, как не видим. Раньше у японцев их почитание было просто фанатичным, а сейчас, похоже, по барабану. Всенародной любви к императору, такой, как у англичан к своей королеве, нет.

– Ну а кто главный от страны? Кто на встречи ездит, договаривается?

– Премьер-министр. Не помню фамилию. Щупленький такой, длинноволосый и седоватый. В молодости был хиппи. Или я уже брежу! Неважно. Но и он не всё решает. Он – своего рода главный парламентёр от страны. У них тут – круговая порука. Бюрократия мощнейшая, но якобы эффективная.

– А эти, теньевые?

– Теневые сёгуны? Это – как наши олигархи. Теневые правители официального правительства.

– Мафия, что ли?

– Мафия у них – Якудза. Вот если увидим того, у кого всё тело в сплошной цветной татуировке или отсутствует палец на руке, чаще всего мизинец – точно якудза. У них кто облажался перед кланом, но исправился, сам себе палец отрезает на глазах у сородичей. Обязательный ритуал.

– У нас Ельцин беспальный был.

– Ельцин сначала пальцы себе оттяпал, а уж потом облажался перед обществом.

– Это он заранее побеспокоился. Еще Маури у нас без пальцев.

– Маури – точно, главный мафиозо Финляндии!

– Маури надо позвонить, сказать, а то он в незнании мается.

– Нет, Маури – интеллектуал, чего он только ни знает. Помнишь, как он высчитал, на каком градусе находится Северный Полярный Круг, зная только градус Хельсинки и расстояние до Полярного Круга?

– Это когда ехали на машине по Лапландии?

– Да. И ведь не ошибся ни на градус, математик. Одно слово – инженер!

– А интересно было бы посмотреть на японского мафиози с расписным телом!

– Согласен, интересно! Только сейчас осень, все одеты. Но

мы можем договориться. Я нахожу какого-нибудь беспалого, а ты вежливо просишь его раздеться. Мы вместе любимся. Я тебя страбую.

– Что ж я совсем из ума выжила? Да нас тогда обоих на тряпки разорвут! На этом и закончится наше путешествие. Путешествие по жизни так и прервётся.

– Прервётся, если обидеть. А если галантно так, учтиво поклониться, выказать полное и безграничное уважение, толково объяснить свою просьбу, а затем свое безграничное уважение сменить на ещё более бескрайнее восхищение от увиденного.

– Так в восхищении и останешься навсегда, когда он кузнечиком прыгнет на позвоночник.

– Согласен! Будем потом иероглифами всю жизнь ходить.

– Иероглифами мы будем потом всю жизнь ходить по большой нужде.

– И опять согласен! Да мы и толково объяснить-то не сумеем нашу просьбу. Потом мы кланяться не умеем. У них это целое искусство.

– Искусством мы этим сразу овладеем. С головой – ниже колен.

– Вычёркиваем предложение как неудачное и рискованное для жизни. Можем зайти в ателье татуировки. Легенда такая: ты – корреспондентка, я – твой оператор, снимаем искусство японской татуировки для российского телевидения. Мастер там наверняка уже расписывает какого-нибудь якуд-

зу.

– А где это ателье?

– Найдём.

– Да, не хочу я играть роль какой-то глупой корреспондентки!

– Хорошо, ты будешь играть роль умной журналистки, а я буду твоим балбесом-оператором.

– Зачем мне балбес-оператор?

– Легенда меняется: не играем роли умных-глупых телевизионщиков, идём в общественные бани, находим татуировочника и исподтишка разглядываем. Встречаемся у бассейна!

– Встречаемся на Гинзе! Где эта Гинза? Долго ещё идти?

– Пойду спрошу у полицейского.

Будочка полицейского стояла неподалеку. Рядом с ней мирно прохаживался пожилой страж порядка. Я подошёл, извинился и спросил по-английски: – Где находится Гинза? Полицейский по-английски не говорил, но слово «Гинза» понял и переспросил меня два раза:

– Гинза?

– Гинза, да.

– Гинза?

– Да, Гинза!

– Хай! – коротко выдохнул полицейский и показал рукой направление. Потом согнул руку в кисти, типа того, что затем – направо.

– Аригато! – сказал я и вежливо кивнул ему головой.

Полицейский улыбнулся и тоже учтиво кивнул.

– Я так и думал. Гинза уже недалеко, – это я сказал уже жене.

– А что ты ему ответил в конце?

– Аригато. Спасибо по-японски.

– Ты солидно подготовился к поездке!

На что я изысканно склонил голову и скромно ответил:

– Ты права! Я действительно солидно поднаторел!

Ужин на гинзе

Ещё минут через пять мы вышли на улицу, полностью залитую бешеным электричеством. Нетрудно было догадаться, что это – Гинза.

– Ну, осмотр главной улицы Токио мы начнём с утоления голода! Выбираем ресторан! – бравурно воскликнул я, абсолютно уверенный, что Гинза кишмя кишит ресторанами. – Какую кухню ты сейчас выбираешь?

– Не знаю, – слегка растерялась жена, – Так хочется есть, что, может быть, что-то нам привычное? Не японскую пока.

– Я решил во всей поездке есть только японскую стряпню. И только палочками! – чуть ли не кричал я. – Хорошо, мы сейчас подберём что-нибудь, что устроит и тебя, и меня!

Нам сразу попалось уютное кафе, но, присмотревшись, мы увидели, что народ потчуеться только пирожными, пьёт кофе и чай. За стеклом витрины были выставлены очень аппетитные тортики и десерты, но мы хотели существенной еды. В этом кафе её не было.

– Хотя бы пиццу! – пищала жена.

– Согласен на спагетти! – рычал я.

По мановению волшебной палочки в следующей витрине Гинзы были выставлены восковые муляжи разных блюд. Несмотря на облепившие, как мухи, всё и вся вокруг японские иероглифы, мы отчётливо увидели вожаделенные вари-

анты пицц, спагетти Болонез и другие разновидности пасты.

Для совсем уж непосвящённых скажу, что пастой везде за границей называется не привычная нам томатная паста или зубная, а любые макаронные изделия – основа итальянской кухни. Как то: спагетти, равиоли, тортеллини, каннеллони, маккерони (то, что мы называем «макароны»), тагльятелле (широкая лапша), тагльярини (узкая лапша), капеллини (тонкая лапша), федели (очень тонкая вермишель, смотанная клубками), феттуччине (толстая лапша, смотанная клубками – просто объединение!), ригатони, лазанья и просто лапша, как *noodles*. Особенно люблю – *green noodles* (зеленую лапшу). Теперь вы понимаете всю мою серьезность умствования. Это не какая-то там кулебяка! Хотя и кулебяка – о-го-го!

Так вот! Когда мы разглядели в аппетитных восковых муляжах на витрине все (или почти все) варианты итальянской кухни...

Нет, я так не могу рассказывать!..

Вы помните, какими мы выбегали из отеля? Какой я нёс бред по дороге, чтобы испугать чувство голода? Как нам попалась милая, но беспощадно-ненужная кондитерская, когда наши желудки были уже сплющены? Как жена пицчала о пицце, а я рычал про спагетти? И Будда (если он, конечно, есть) с ней, с этой японской стряпнёй, которую я решил есть во всей этой поездке! Еще успею поскрежетать палочками. Вы помните, как Синто (если он тоже, конечно, есть) услышал

наши стенания и представил нашему взору такую умопомрачительную витрину?

Так вот! Когда мы разглядели в аппетитных восковых муляжах на витрине все (или почти все) варианты итальянской кухни (мне даже показалось, что пицца и спагетти Болонез дымились, как настоящие), я совершенно спокойно положил руку на ручку двери ресторана и неторопливо, как киноактер, посмотрел на жену, как бы испрашивая благословения. Я вроде бы даже прищурился, как Клинт Иствуд. Да что Иствуд? Де Ниро рядом бы стоял! Жена благосклонно кивнула головой, дескать, открывай!

Бусидо («Путь воина») учит самурая принимать решение в течение семи вдохов и выдохов. Мне потребовался один вдох-выдох, за время которого меня как прострелило! Что-то тускловатое были подсвечены блюда с муляжами! Это на фоне-то залитой электричеством Гинзы?

Я потянул дверь на себя, потом попытался толкнуть. Где вы, Синто? Где господин Будда? Ресторан был закрыт.

– Ну, это уже не смешно! – разъярилась жена и стала дёргать ручку двери ресторана. Мне даже показалось, что она сейчас начнёт бить стекла, как ополоумевшая Маргарита в доме критика Латунского.

В нескольких метрах от нас, привалившись спиной к стене дома, прямо на тротуаре, но на подстилочке, примостился японский бомж. Собственно, бомжа в нём выдавали только несвежее лицо и пожухлый воротничок когда-то белой ру-

башки. Одет он был в костюм и галстук, и глаза неподвижно смотрели в одну точку. Он не просил милостыню, он ... медитировал. Я не притулился с ним рядом.

– Философствуешь, брат? – не спросил я.

– Философствую, брат, – не ответил он.

– Даодэцзин, брат?

– Лао-дзы, брат.

– Ну, не буду мешать!

Бомж был занят и не обратил внимания на удручённую парочку, которая плелась по Гинзе.

– Гусь!.. Ножка!.. Шейка!.. – гнусавил голодный Паниковский.

– Пицца!.. – слышался шёпот на Гинзе.

– Спагетти Болонез!.. – отвечало эхо обрывком фразы.

Не знаю, есть ли смысл говорить, что мы прошли всю Гинзу, и везде была одна и та же картина: либо народ лакомился пирожными и кофе, либо рестораны с восковыми муляжами блюд всех кухонь мира в витринах были закрыты.

В древнем японском трактате Хагакурэ, посвящённом бу-сидо, напутствуется: в ситуации «или – или» без колебаний выбирай смерть.

– Нет! – заявляем мы со всей ответственностью наших скомканных ощущением голода желудков, – Есть ещё русское Авось!..

Мы вышли на площадь Гинза. Не Красная, конечно, площадь, но, по японским меркам – достаточно большой пере-

кресток. Под площадью располагалась станция метро Гинза, а на поверхности, среди множества современных зданий, которые в ночи кажутся, будто построенными из светящихся рекламных модулей, находилась стеклянная башня-цилиндр, этажей так в двадцать. Башня эта примелькалась на всех видовых картинках Гинзы, но не в том фокус.

Наш фокус, в смысле фокусирования, заключался в том, что, по крайней мере, на десяти этажах этого прозрачного цилиндра люди сидели за столиками и ели.

Трапезничали, кушали, столовались, кусали, грызли, жевали, язвили рыльцем, сосали хоботком, перебивались, шамкали, уписывали, отведывали, пробавлялись, употребляли, перемалывали зубами, заталкивали в рот, хомячили, хавали, хрумкали, лопали, пировали, застольничали, уплетали и чавкали. Чавканье, кстати, в Японии не возбраняется, а только приветствуется. Не могли же все эти люди в «цилиндре» такое вытворять с одними только пирожными.

Мы направились к этой прозрачно-вульгарной вавилонской башне. Швейцар любезно приглашал нас войти в лифт. Подожди, брат, дай освоиться, разобраться! Мы при таком изобилии ещё выбирать будем. На рекламных стендах было всё расписано по этажам и засижено иероглифами. Спасение было в картинках. Не сговариваясь, мы ткнули в картинки блюд пятого этажа и поднялись на лифте.

– Ирассяймасэнэ-э! – пропела нам приветствие девушка-метрлотель.

– Привет! Мы хотим есть. Очень голодные. – выстроил я фразу по-английски.

Девушка провела нас к столику. Мы разместились, и открылся нам изумительный вид на Гинзу. Что ни говорите, а здорово вот так сидеть за столиком, смотреть на сверкающую улицу, снующих туда-сюда людей, несущиеся машины, везущие этих людей, и думать!.. Или не думать совсем. Одинаково клёво! В общем, *«инда взопрели озимые...»*

Японка принесла меню на английском языке.

– Ну, давай, переводи! Будем выбирать! – жена уже потирала ручки и протираала их осибори, свёрнутой в трубочку влажной горячей салфеткой.

Я раскрыл меню и стал переводить:

– Яблоки и малина в сиропе, жареные бананы во фритюре, пудинг из чего-то ... не понимаю, какой-то кекс, карамельный крем...

– Ты не с того начал. Это десертное меню. Ты сверху начинай, – ласково поправила меня жена.

Я дружелюбно посмотрел на неё и очень недружелюбно подозвал официантку. Та, кланяясь в три погибели, моментально приблизилась.

– Мы очень голодные! Мы хотим есть! Возьмите это меню! Принесите другое меню! – мои способности в английском меня одновременно и поражали, и раздражали.

Японка взяла меню, не прекращая кланяться, но было видно, что она ни хрена не понимает, что от неё хотят.

Подошла другая японка – девушка-метрлотель, которая нас встречала, и тоже стала кланяться.

Со стороны было видно, как здоровый детина, видимо глухонемой, потому что изъяснялся сплошными жестами, периодически издавал нечленораздельные звуки, судя по всему, бранился. Две девушки-японки синхронно повторяли его жесты, постоянно кланялись и абсолютно точно ничего не понимали.

Тогда меня осенило! Я обернулся на соседние столики, чтобы показать двум недотёпам: что другие едят, то и нам нужно. Все ели пирожные и с интересом наблюдали за спектаклем пантомимы.

Я и застыл в позе иероглифа.

– Мы здесь не поедим, – сказала жена.

Нужно было просто выдохнуть.

«В пределах одного вдоха нет места иллюзиям, а есть только Путь».

– Дайте мне, пожалуйста, зубочистки! – сказал я на полубившемся мне английском, хотя с таким же успехом можно было изъясняться по-русски, и показал последнюю мимическую сцену – ковыряние в зубах.

– Зачем тебе зубочистки, ты ведь ничего не ел? – спросила жена.

– «Самурай ковыряет в зубах зубочисткой, даже если он ничего не ел», – ответил я достойной ситуации цитатой.

– Пойдем по другим этажам, самурай! – сказала жена.

И мы пошли по другим этажам, как по рукам. Но везде было всё конгруэнтно.

Когда мы спускались на лифте, меня опять посетило прозрение. Я всё вспомнил! Я, как Штирлиц в подвале у Мюллера, всё вспомнил! Помните ту ситуацию, когда ему было нужно убедительно оправдаться за свои «пальчики» на чемодане с рацией? Он приплёл ещё туда детскую коляску, всё взвесил и позвал за стариком Мюллером сказать, что всё вспомнил?

– Что вспомнил-то? – спросила жена.

– Всё! – ответил я и посмотрел на часы. Время было начало двенадцатого. – Понимаешь, я где-то читал, не помню где, да это уже и не важно, что ночная жизнь в Токио заканчивается в одиннадцать. Поест в ресторанах можно до девяти, а десерты у них подаются до десяти.

– Но это же ерунда какая-то?

– Это совсем даже не ерунда!

– Что же, если до девяти не успел поест – до утра голодным ходи?

– Получается, что так. Помнишь в Лондоне? До одиннадцати – и всё! Потом все пабы закрыты. А в супермаркетах? Не помню, в котором часу в спиртных секциях решетки опускаются. Я ещё пива тогда не мог купить! Здесь тоже свои порядки.

– В девять часов? Но это же идиотизм!

– Идиотизм. Но нация должна быть здоровой и с утра ра-

ботать!

Швейцар уже кланялся, предлагая нам всё же выйти из лифта.

– Да пошёл ты! – сгоряча бросила швейцару жена. – Что же нам делать?

– Работающие сейчас рестораны, я думаю, всё-таки есть. Надо только понять, как их найти.

– Простите, скажите мне, пожалуйста... – обратился я к швейцару, но прервал обращение, потому что дядя был способен только кланяться. Мы вышли из лифта и из стеклянной башни. Возле магазина ювелирных украшений топтался полицейский.

– Пойду разговаривать с полицейским, если это вообще возможно.

– Извините, скажите мне, пожалуйста. Где есть открытый какой-нибудь ресторан? – обратился я к полицейскому членораздельно как мог, по-английски.

– Рестрон? – переспросил страж с превосходным произношением.

– Йес, рестрон! – обрадовался я его пониманию.

– Йес, рестрон?

Мне всё стало ясно – он один в один повторял моё произношение, а оно – дай Бог каждому средиземноморцу – но я попробовал зайти с другого бока.

– И-ит, – сказал я и показал, как все едят. Чёрт возьми, они же едят палочками! – Фу-уд! – изобразил я пальцами ка-

ракатицу, которая хватает воображаемую еду и отправил всё это дело в рот. – Фу-уд! Вкусно! – я стал жевать причмокивая, потом изобразил удовольствие, поглаживая себе живот. Затем я повторил процедуру – Фу-уд!

– Фу-уд. – повторил за мной полицейский и развёл руками.

Может быть, он этим самым давал понять: дескать, не знаю, я тоже люблю вкусно поесть, и моя жена тоже вкусно готовит! Выходили-то мы из ресторана, видимо, довольные едой. А я к нему пристал. Вроде как наелся чужеземец и теперь ломает комедию, каракатиц показывает. А он, может быть, голодный стоит, вахту несёт.

– Простите меня, – сказал я и отошёл.

– Дело – дрянь! Как я ни изгалялся, он не понимает. Какие у нас варианты? Искать Макдоналдс, но это опять искать, а он нам пока не попадался. И это – труба! Или поехать в отель и там поесть? Точно, едем в отель!

Мы поймали такси. У тойоты автоматически открылась задняя дверь для нашего погружения. Я протянул водителю карточку отеля. Тот её долго изучал, кивнул головой и дверь автоматически закрылась. Таксист включил счётчик, появились цифры 660, и мы поехали.

– Шестьсот шестьдесят йен посадка. Пять-шесть долларов, – подсчитал я.

– М-м, – ответила жена.

– Мы едем кушать, – нежно сказал я.

Жена посмотрела на меня, как на идиота, и я мигом уменьшился в росте и натужно стал думать о нашей схожести с теми мужичками из деревни Тугодумово, которые умирали от жажды на плоту, дрейфовавшем по бескрайним водным просторам.

Остановившись на светофоре, таксист перевёл ручку передач в нейтральное положение, установил ручной тормоз и стал отмечать поездку в путевом листе.

– Какой правильный дядя! – прокомментировал я.

– М-м, – согласилась жена.

Каждый раз, останавливаясь на светофоре, таксист входил в нейтралку и ставил машину на ручник. Я что-то бормотал.

– М-м, – неизменно поддерживала разговор жена.

Вскоре мы приехали. Водитель педантично отсчитал сдачу, дверь снова автоматически открылась, и мы уже вбегали в отель.

Вы помните, какими мы выбегали из отеля? Такими же мы и вбегали в отель. Только быстрее. Вбегали так, что чуть было не вышибли едва успевшие открыться перед нами автоматические стеклянные двери. Нисколько не притормозив, мы через весь холл размером с футбольное поле, но свободное от футболистов, бежали в направлении ресторана. Голод и нюх безошибочно определяли направление, ноги и руки исправно крутились, но люстры ресторана прискорбно мрачнели. Дежа вю!

На бегу, сделав почётный круг, мы снова через всё поле

припустились к стойке reception. Там нас уже вовсю поджидали судьи международной восточной категории с финишным флажком. Остановившись и жадно дыша, мы, как рабочие собачки, стали просить есть. Судьи подбодрили нас и отправили восвояси.

«Восвояси» работал круглосуточно и находился в двух шагах от отеля. Это был небольшой серийный ресторанчик, по типу McDonald's, только с японским уклоном.

Наконец-то нам в носы реально «ударили». Ударили все те жизнеутверждающие запахи, обычно источаемые питательными чудесами кулинарного искусства, к которым равнодушно или даже пренебрежительно, а зачастую и просто-таки презрительно относишься, когда животик уже навыва-те от изобилия, но которые гипнотически пленяют и притягивают к себе, как сладкоголосые сирены и сладострастная нимфа Калипсо бедолагу Одиссея, растерявшего своих подельников, когда желудок скручен до пределов самообороны и бессильно злобствует. Мы, со своей стороны, теперь очень хорошо понимаем, почему японская нация такая низкорослая. Ответ: издавна от недоедания.

Ах, Гинза, Гинза! И это – витрина японской столицы! Ну, слава Богу, мы ели. После супчика с какими-то морскими прибабасами к жене стала возвращаться речь, а после хорошей «барабульки» – и даже нормальная речь. Я незамедлительно повысился в росте и принял своё привычное агрегатное состояние:

– Фрайернулся я, конечно!

– Да, уж.

– Надо было в Роппонги ехать.

– А это что?

– Тоже район в Токио. Увеселительный.

– Мне Дзинзы хватило! Давай десерт закажем, – предложила жена и нажала на клавишу, расположенную на салфетнице.

За стойкой мелодично протренькал колокольчик, и к нам направился официант.

Воспитанный человек у меня жена – Гинзу Дзинзей называет и в японской технике разбирается.

Мы поели пирожных, расплатились и, уставшие, но сытые, поплелись в отель.

В номере жена сразу юркнула в постель. Я облачился в кимоно, заботливо приготовленное на кровати рукой горничной. Точнее, это было не кимоно (кимоно – достаточно сложный гарнитур), а юката – лёгкий хлопчатобумажный халат. Итак, я облачился в юкату весёлой расцветки и стал расхаживать по номеру как правильный самурай. В церемониальной одежде, подобающей случаю, с воображаемыми двумя мечами я обмахивал себя картой города Токио, как веером – обязательным атрибутом обмундирования воина, и заглянул в санузел.

– Мать! Ты унитаз видела? – завизжал я с неприличествующими рангу интонациями.

– Да, видела, видела! – донеслось из комнаты. – Я даже разобралась с ним уже. А ты что? Только заметил? – и я услышал, как включился телевизор.

– Ах, какая машина! Прямо трон-Мерседес!

Унитаз был и впрямь навороченный. Сиденье с пультом управления. Я тоже был обязан с ним разобраться. Пришлось «отстегнуть мечи», отбросить «веер» и снять юкату.

На панели управления располагался жидкокристаллический дисплей. Кнопки регулировки температуры воды. Всё в картинках – пляшущих человечках. Ага! Автоматические функции биде. Я включил подогрев сиденья, выставил желаемую температуру и настроил мощность струи воды. В бачке заурчало – стала подогреваться вода. На старт! И я нажал сенсор старта...

Физиономия в таких случаях из сосредоточенной превращается в глуповато-умильную мосю и продолжает таковой оставаться до конца сеанса.

Потом был режим фена, во время которого была возможность подумать о необходимости бумаги. Необходимости такой не было, а вскоре уже и физия приобрела своё обычно-деловитое выражение. Ну, круто, ну!

Душ в ванной тоже имел цифровую регулировку температуры воды. Но если я скажу, что процесс высыхания после душа был какой-то особенный, я совру. Дальше привычного бытового фена и банального полотенца чудеса техники уже не распространялись.

Снова завернувшись в свои самурайские причиндалы, я покинул полюбившуюся мне комнатку.

– Пока ты там наслаждался, тут по телевизору показывали прикольную рекламу, – сказала жена. – Они предупреждают, что надо быть аккуратней с японской едой. В Токио приезжает иностранка, встречается со своей японской подругой. Идут в ресторан. Иностранка наворачивает японские блюда одно за другим. Потом они расстаются, а через некоторое время у иностранки крутит живот, и она бежит в поисках туалета. Если бы ты видел её мимику при этом! Она и приседала, и в судорогах крючилась. Умора! Потом она обращается к прохожим, а те её не понимают. Тогда она бежит к полицейскому, и тот провожает её к туалету.

– Смешно. А как полицейские здесь всё понимают, мы уже видели.

– Ладно, давай спать ложиться! – сказала жена и выключила телевизор. – Когда нам завтра вставать?

– В девять нас будет ждать муж в холле на экскурсию по городу.

– Тогда надо поставить будильник!

– Так у нас же его нет. Позвонить, заказать wake-up на утро, чтобы разбудили?

– Здесь всё есть, – показала жена на панель управления на спинке кровати.

– М-м, нормалёк! Если тюнинг кровати такой же, как у унитаза, представляю, что она вытворяет.

Но возможности кровати были скромнее. Тюнинг был, в смысле радио и будильника. Всё равно – очень современно!

– Слушай, как ты думаешь? – развалился я в кресле. – Допустим, чтобы лучше понять корни японцев, нужно, скажем, прочитать Кодекс самурая. А чтобы нас, русских, лучше понять, что надо прочитать иностранцу?

– Уголовный кодекс. Тогда точно всё поймут, *«...открываю на любой странице и не могу, читаю до конца»*.

Я рассмеялся.

– Юморная ты, всё-таки, тётя! Ты же говорила, что не любишь Высоцкого?

– *«...читаю Кодекс уголовный наш...»* – в ответ из-под одеяла прохрипела под Высоцкого жена. – Достоевского, Толстого, Пушкина пусть читают. У них всё про нас сказано.

– Весь мир их и читает. Куросава даже здесь на Хоккайдо своего «Идиота» снял... Что ж получается? Альтернатива их Кодексу самурая – наш Уголовный кодекс?

– Что ты так на этих самураях замкнулся? Они же не все самураями были.

– Точно! Я как-то забыл о купцах, пахарях и селянках... «Селянка! Хочешь большой, но чистой любви?»

– «Кто ж её не хочет?»

– «Тогда приходи на сеновал как стемнеет! Придёшь?» О! Может быть, сказки нас характеризуют? Какие мы знаем русские народные сказки?

– Колобок, Гуси-лебеди, Морозко...

– Пузырь, соломинка и лапоть...

– Сестрица Алёнушка и братец Иванушка, Теремок, Про репку...

– Каша из топора, По щучьему веленью... Кстати, о чём там?

– Я недавно её Полинке читала. Про Емелю, который на печи лежал... О мечте лодыря! Что б лежать на печи, а всё само делалось...

– Вот это точно нас характеризует! Наш Илья Муромец тридцать три года на печи лежал, а потом взял меч и такого понатворил!..

– У нас что ни сказка – кто дурак-дураком или бездельник, тот потом все блага получает.

– У нас пропаганда лени и паразитизма издавна, – рассмеялся я.

– Всё! Спать! Завтра нам экскурсовод будет сказки рассказывать, – зевнула жена. – Про японцев.

Я встал с кресла и... покачнулся. Что такое? Пол опять подо мной слегка заходил. Заскрипели стены.

– Слышишь?

– Слышу. Что это такое? – приподнялась с постели жена. Стены слегка поскрипывали. Ощущение покачивания повторилось.

– Землетрясение! – холодок пробежал у меня по спине.

– О, Господи! – вскочила с кровати жена, – Что же теперь делать?

Мы стояли, как вкопанные, посередине номера отеля на двадцатом этаже и прислушивались. Скрип железобетонных стен и покачивание пола продолжались. Я посмотрел на стаканы на журнальном столике. Они не дребезжали.

– Может, пронесёт, – прошептал я. – Их тут каждый день трясёт. Если б что-нибудь серьёзное ожидалось, предупредили бы, наверное. С их-то развитием техники! Есть же у них служба наблюдения, прогнозирования?

– Тише! – шикнула жена и снова прислушалась.

Катавасия со стенами и полом больше не повторилась. Мы постояли ещё немного застывшими, посмотрели друг на друга и синхронно нырнули в кровать, как пловцы в чашу бассейна после свистка арбитра. На этот день прилёта и первый день нашего пребывания в Японии закончился.

День второй. Немного истории

Утречком мы невозмутимо позавтракали и побежали в холл отеля на встречу со «сказочником». Времени было уже 9 часов. Поскольку это должен был быть муж нашей вчерашней встречающей Нины, девушки в добрых телесах, мне он почему-то представлялся эдаким угрюмым толстяком и почему-то непременно в больших тёмных очках в роговой оправе.

Нас ждал subtilный молодой человек, одетый, как клерк, и без очков.

– Муж? – недоверчиво спросил я.

– Муж Нины, – с улыбкой подтвердил паренёк.

– А почему без очков? – не спросил я.

– А зрение хорошее! – не ответил он.

Мы поздоровались и направились к чёрной тойоте. Гид представил нам водителя-японца в белых перчатках. Тот поклонился и учтиво открыл заднюю дверь салона машины.

– Программа у нас сегодня по Токио большая, машина арендована до шести вечера, – в отличие от своей немногословной жены наш экскурсовод застрочил, как пулемёт. – Начнём мы с Императорского дворца, а пока к нему едем, я расскажу немного об истории Токио...

Поскольку история в пересказе любого гида всегда изобилует множеством дат и цифр, которые не то, что не упом-

нишь, но зачастую и вообще сомнительны, не говоря уж о перегрузке наших подкорочек, я выдам её вам, читатель, в том простом и доступном виде, в каком понял и запомнил сам.

Итак, когда-то очень давно, примерно, когда у нас на Руси самостоятельно и крайне самодержавно свирепствовал Иван Васильевич Грозный, в Японии не самодержавно рулил некто Муромати. У них по древности все императоры какие-то не самостоятельные были, они только авторитетно церемонили, а властвовали за них сёгуны.

Не думаю, чтобы наши царьки были знакомы друг с дружкой, хотя по времени вполне могли бы и побалакать о том, о сём, выдули бы по чашечке чая, глядишь, наш бы Ваня и научил бы чему ихнего Мурома. Скажем, как правильно и единолично свирепствовать над народом. Ну, не научил! А тот рулил, как мог. Однако, похоже, хреново сёгун его дело поставил, потому что не вырулил.

А народ в Японии хоть и покладистый всегда был, но подверженный переживаниям. И местные князьки (даймё, значит) так распереживались, что просто-таки распоясались и стали друг на друга с кулаками бросаться. Каждый друг на друга своих самураев натравливал, а те под кодексом своим обречённо так, мол, ничего не поделаешь, и лупили себе подобных. За сферы влияния, за территории. Прямо, как у нас банды в нынешних девяностых отчаянно молотились. Так всегда и бывает при попустительстве «ребят сверху».

И тут на сцену всех этих кровавых дел выехал на белом коне «полковник» Токугава, полководец то бишь. Со всеми местечковыми даймё и олигархами разобрался. Кого истребил-зарубил, кого прогнал, всех подмял, страну закрыл. Себя главным сёгуном объявил и на 250 лет себе, своим детям, внукам, правнукам и другим своим потомкам правление и власть в стране обеспечил.

А произошло это ровно в 1600 году, легко запомнить, потому что дата круглая, и в том же году новой столицей Токугава сделал восточное поселение Эдо (будущий Токио), в переводе с японского «вход в гавань», в противовес старой западной столице Киото, где отсиживался император. У нас примерно в то время, только на дюжину лет попозже, династия Романовых сменила династию Рюриковичей и уже раскручивалась самостоятельно. У них же династия Токугавы набирала обороты. Об императоре никто и не поминал, а кто поминал, на рисе и воде в кутузке сидел. Киотская аристократия боялась и презирала непуганую самурайскую братию с востока и не высывалась. Новая столица тем временем разрасталась и, можно даже сказать, борзела.

И вот когда мы уже у себя Наполеона прогнали, а спустя ещё почти полвека и крепостное право отменили, у них только тогда спихнули доброхоты последнего сёгуна дома Токугавы. Семейный дом приказал всем отныне долго жить, и японцы отреставрировали Мэйдзи, его следующее императорское величество, отскоблили его от ржавчины, попудри-

ли и переместили из Киото в Эдо, а Эдо переименовали в Токио, что и по сей день, означает «Восточная столица».

А в русском языке забавная игра слогов получается: Ки-ото – Токио. КИО-ТО – ТО-КИО. КИО-ТО-КИО. Всего-то слоги переставили, а вон тебе – 250-летний путь забвения императора! Сёгунам больше власть не давали, им дали по рукам и от их услуг отказались.

В начале XX века Токио чудом уцелел после землетрясения и сильно пообтрепался. Перед Второй мировой войной власть в стране снова захватили милитаристы, считай те же сёгуны, – напали на Китай и на нас. Мы им, как могли, уши надрали, но не избили. Только отобрали Курилы. Они вступили в сговор с Гитлером, но с нами вроде бы как примирились.

В 41-м самураи атаковали американский Пёрл-Харбор, мы видели, как это было, в великолепно снятом одноимённом боевике. Раздразнили спящего зверя. Зверь проснулся и закидал их бомбами. В результате бомбардировок Токио серьёзно пострадал, но не потерялся. Зверю показалось мало, и он скинул атомные бомбы на несчастные Хиросиму и Нагасаки, после чего там долгое время если и шли дожди, то только чёрные, а всё человечество вздрогнуло. Японская военщина капитулировала, а страну призвали к порядку. (К слову сказать, Японии и по сию пору запрещено иметь вооружённые силы, лишь силы самообороны.)

Страна к порядку призвалась с удовольствием, тем бо-

лее что от самураев своих уже устала, провозгласила себя конституционной монархией, занялась собственным мирным обустройством, двинула свою электронную промышленность и автомобилестроение так, что человечество опять вздрогнуло, но уже от восхищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.